

люди», и будущему, проиллюстрированному в Четвертом сне Веры Павловны, а также в главе «Перемена декораций».

Литература

Кондаков И. В. «Что делать?» как философско-интеллектуальный роман (к диалектике сознания и самосознания становящегося жанра) // «Что делать?» Н.Г. Чернышевского. Историко-функциональное исследование / под. ред. К. Н. Ломунова М. : Наука, 1990. С. 163 – 172.

Лейдерман Н. Л. Теория жанра: Научное издание // Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. - Екатеринбург, 2010.

Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский - человек эпохи реализма М. : Новое литературное обозрение, 1996.

Пинаев М. Т. Н. Г. Чернышевский - романист и «новые люди» в литературе 60-70-х годов // История русской литературы: в 4 т. Л. : Наука, 1980. Т. 3. С. 20–52.

Покусаев Е. И. Чернышевский Николай Гаврилович // Краткая литературная энциклопедия: в 16 т. М. : СЭ, 1975. Т. 8. С. 466 – 476.

Проскурина Ю. М. Жанрово-стилевое своеобразие романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» // Проблема жанра и стиля в литературе второй половины XIX века/ Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2004. С.110 – 119.

Тамарченко Г. Е. «Что делать?» и русский роман шестидесятых годов // Чернышевский Н. Г. Что делать? Л. : Худож. литература, 1975. С. 5 – 46.

Чернышевский Н. Г. Что делать? М. : Художественная литература, 1985.

© Ендальцова Е.Г., 2017

Ермичева Е. А. (Екатеринбург, УрГПУ)

Особенности субъектной организации романа М.Кучерской «Бог дождя»

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию особенностей субъектной организации романа Майи Кучерской «Бог до-

жда». Анализ субъектной организации произведения направлен на выявление её особенностей, позволяющих наиболее полно раскрыть внутренний мир героев, мотивы их поступков, их самоанализ. Особое внимание уделено разбору писем, личных дневников и «стенограмм» телефонных разговоров героев. Рассматриваются особенности безличного повествования.

Ключевые слова. субъектная организация, романное повествование, безличное повествование, личный дневник, субъект речи, субъект сознания

Ermicheva E. A. (Yekaterinburg, USPU)

*Features of the subject organization of the novel M. Kucherskaya
«God of the rain»*

Abstract. This article is devoted to the peculiarities of the subject organization of the Maya Kucherskaya novel "God of the rain". The analysis of the subject organization is aimed at revealing its features, which allow to reveal the inner world of heroes, the motives of their actions, their self-analysis. Particular attention is paid to the analysis of letters, personal diaries and "transcripts" of telephone conversations of the characters. Features of an impersonal narrative are considered.

Key words. subject organization, novel narrative, impersonal narrative, personal diaries, subject of speech, subject of consciousness.

Литературный текст – это совокупность разного рода высказываний (монологов, диалогов, рассуждений, описаний и т.д.), которые могут принадлежать автору, рассказчику, персонажу. Соответственно, в произведении важны не только события, о которых рассказывается, но и событие самого рассказывания. Субъектная организация связана со вторым рядом событий.

Различают два основных типа повествования: личное (рассказ от первого или второго лица, речь, которая может принадлежать непосредственно писателю, конкретному рассказчику, условному повествователю) и безличное (рассказ от третьего лица, всезнающий автор или анонимный рассказчик).

Для романного повествования характерно переплетение, усложнение субъектной организации, диалогичность слова, несовпадение

субъекта речи и субъекта сознания. Наш анализ субъектной организации романа направлен на выявление её особенностей, позволяющих наиболее полно раскрыть внутренний мир героев, мотивы их поступков, их самоанализ, то есть их психологию.

В романе Кучерской «Бог дождя» преобладает безличное повествование, которое перемежается с такими формами, как личный дневник, письма героев друг другу. Особенный интерес с этой точки зрения представляют «стенограммы» телефонных разговоров, которые ведут два главных героя: студентка Аня и отец Антоний.

Уже с самого начала романа в речь безличного повествователя вплетаются фразы, слова, какие-то характерные высказывания, принадлежащие другим персонажам. То есть наблюдается обозначенное выше несовпадение субъекта речи и субъекта сознания. Обычно таким путём читателю репрезентируется сознание Ани, главной героини.

Например, в самом начале романа, в первой главе Аня едет в электричке на дачу, и её сосед по скамье засыпает, положив голову ей на плечо. Повествователь описывает это так: «Аня передвинула тёплую голову на спинку скамьи, подняла кепку, положила на синеватые сцепленные руки. Прощай, дружок! Дружок только тихо всхрапнул в ответ» [Кучерская 2008 : 22]. Очевидно, что и слово прощания, и оценочное наименование случайного попутчика ласковым «дружок» – Анина реплика.

В главе «Свежий воздух» эта особенность проявляется ещё ярче. Рисуется сцена выпускного вечера, Аня и Глеб, между которыми были возможны романтические отношения, остались одни в классе: «Конечно, это был секрет, никому на свете Аня не признавалась, рассказывала истории про пионерский лагерь, но хотелось уже не придуманного, а правды. А тут – “Бог”, “ждёт”, да она тоже совсем не против встретиться, но позже, потом. А пока, Глеб, милый, посмотри, как хорошо сидит на мне это платье, белое, тонкое, воздушное, мамина знакомая сшила специально для выпускного. Посмотри, и глаза у меня не карие, а тёмно-зелёные на самом деле – такой необычный, таинственный цвет! Мне все так говорят. Но вслух Аня пробормотала “тоже жду”» [Кучерская 2008 : 32]. Обращение к Глебу как к «милому», частотный повтор местоимений первого лица, выделение в этом отрывке того, что важно для Ани в

данный момент, говорит нам о том, что здесь представлена частичка её сознания, её картины мира.

По мере движения повествования таких «вкраплений» Аниных слов становится всё больше, что постепенно говорит читателя к верному восприятию дневников и писем. Это также в какой-то мере сближает повествователя и Аню, довольно быстро начинает чувствоваться оценка действий главной героини, сочувствие ей. В отдельных строках становится сложно различить голос повествователя и голос Ани, неясно, кому принадлежат описанные мысли. Так, в главе «Дальше в лес», в которой основной упор сделан на описание внутреннего смятения, происходившего в душе героини, есть следующие строки: «Иногда стремление вернуться было таким сильным, что она застывала на месте и почти рыча упиралась ногами в землю, оглядывалась: за спиной высилась глухая стена. По таким дорогам не возвращаются, Анна! Что ж, если нельзя вернуться, она будет просто стоять» [Кучерская 2008 : 195]. Выделенные слова: предупреждение или оценка своего поведения самой героиней? Возможно двоякое толкование.

С этой точки зрения интересно описание поисков нового храма, в который могла бы ходить Аня: «У её Антоши сроду не было столько поклонников и прихожан. ... От этих лихорадочных посещений новых храмов, от густоты впечатлений Ане окончательно стало дурно, душно, тошно, ничто её не удовлетворяло, отовсюду гнали (кто, простите, гнал?), всюду зрение заливало лишь чувство глубокого протеста: лобызайтесь, обнимайтесь, думаете не видно, и у вас – как у всех, как у целого света – ссоритесь, завидуете, ревнуете, за то, кому раньше подскочить к батюшке, готовы перегрызть друг другу глотку! Да и вы, возлюбленные отцы, что-то не слишком противостоите этому безумию и восторгу – уж не потому ли, что это-то вас и тешит? Возрождение приходской мать твою жизни, пастырь добрый» [Кучерская 2008 : 203]. Сначала мелькает сознание Ани – «её Антоша», так она называла отца Антония только наедине с собой, в своих рассуждениях. Далее в скобках даны слова или Ани (если предположить, что она осознаёт неверность своих впечатлений из-за слишком сильных эмоций и сама же над собой иронизирует), или повествователя (если это логичное суховатое замечание призвано обратить внимание читателя на неверность её

впечатлений). Слова «лобызайтесь», «возлюбленные отцы» принадлежат Ане, погружённой в этот церковный мир и прозревающей его зыбкость и неверность. Последнее бранное замечание – тоже её, поскольку в нём сквозит личная, глубоко субъективная оценка и неприязнь. Да и само синтаксическое оформление этого отрывка работает на передачу сознания Ани, речь немного «дёрганая», неспокойная, экспрессивная.

В отрывках, приведённых выше, видна особенность словесной организации романа: диалогизм слова. По М. Бахтину, диалогизм – это скрытый диалог субъекта речи и субъекта сознания, как бы введение в речь одного персонажа или автора особенностей речи другого. «Чужие слова, введённые в нашу речь, неизбежно принимают в себя новое, наше понимание и нашу оценку, то есть становятся двуголосыми. Различным может быть лишь взаимоотношение этих двух голосов» [Бахтин 1979 : 220].

Он проявляется не только на уровне введения через несобственно-прямую речь слов Ани в слова всезнающего повествователя, но и как скрытый диалог Ани с другими персонажами. Или не совсем персонажами: так, например, реагирует Аня на книгу архимандрита Киприана, которую ей одолжил Глеб: «Но ведь существует и церковь, угрюмая, строгая, грозящая пальцем – что там Глебка не говори. Сплошные анафемы и перегородки. Четыре поста в год! Близкие отношения между мужчиной и женщиной допускаются только в браке! Отлучили Льва Николаевича Толстого! Какая уж там любовь, что-то её не видно, архимандрит Киприан. Да, отдельные люди, может, кого-то и любили, но сама по себе эта организация, сама эта “святая, соборная и апостольская”, как несколько раз процитировал что-то Глеб – какая уж там любовь... Церковь совершенно не уважала неповторимость человеческой личности. Ради эфемерного “спасенья души” всё никак не хотела подарить людям свободу оставаться собой – быть весёлыми, глупыми, дурачками, добрыми, человечными – такими, какими сотворил их Сам, между прочим, Бог. Нет, каждого нужно было затолкнуть в футляр, в гроб правил и ограничений, а поскольку исполнить их всё равно невозможно – превратить в ханжу. Всех заставить наступить на горло собственной песне» [Кучерская 2008 : 48]. Этот отрывок довольно сложно организован: несобственно-прямая речь Ани впле-

тается в слова автора-повествователя, в то же время в словах героини идёт анализ слов другого человека, попутно сопровождаемый отсылками к словам Глеба. Всё, что здесь сказано – рефлексия Анны. Каждое слово здесь – ответ архимандриту на его рассуждения и заповеди. Это подтверждает присутствие личного к нему обращения, хоть и мысленного, конечно. Её вопросы выглядят очень логичными для человека, который только входит в веру, погружается в неё впервые, но ещё не уверовал (спасение видится ей «эфемерным»). В то же время её сознание уже подготовлено к этому усилиями Глеба, с которым она тоже полемизирует.

На протяжении романа Аня много раз мысленно говорит с отцом Антонием: «Не понимала и погружалась в мысленные беседы с ним – утешительные, полнящие душу теплом» [Кучерская 2008 : 75]. Она предугадывает ответные реплики, его мимику, реакцию. «Отец Антоний, пожалуйста, поговорите сегодня со мной подольше. Мне нужно сказать вам что-то необычайно важное, – произносила Аня с серьёзным и грустным лицом, быстро взглянув на себя в стеклянную створку шкафчика, и вытаскивала сковородку и нож» [Там же, 77]. Этот мысленный диалог Аня ведёт на собственной кухне, где готовит завтрак. Рядом с ней никого нет. Она представляет: «Отец Антоний легко соглашался её послушать». И так далее, такие сценки повторяются много раз, пока не происходит кое-что важное. «Беседы продолжались около двух недель, наконец, речь была готова, Аня даже назначила день, когда наконец произнесёт её перед отцом Антонием, как вдруг уже по пути в церковь, нырнув в знакомую подворотню и проходя через двор, останавливается потрясённо: ответ совершенно очевиден. Спрашивать не о чем» [Там же, 83]. Эти долгие одинокие репетиции помогли ей взглянуть со стороны на свой вопрос и переосмыслить проблему, так сильно её занимавшую.

Следующим шагом в сближении персонажей и, параллельно, новым способом субъектной организации являются письма. Письма по существу своему диалогичны, это разговор на бумаге с другим человеком. Авторский план в них устраняется совершенно. Письмо Ани автором не приводится, читателю только сообщается тот факт, что «...получилось три странички» [Там же, 89]. Теперь ситуация обратная: если раньше мы наблюдали односторонний

диалог Ани с отцом Антонием, которого она воображала и к которому были направлены все её слова, то теперь перед нами впервые приоткрывается сам духовный отец, пишущий ей с оглядкой на её строки.

Его письмо представляет собой развёрнутые ответы на её вопросы. Оно приведено в тексте полностью, в нём не чувствуется присутствия автора. В нём отец Антоний раскрывается прежде всего как духовный наставник. Он не отвечает Ане формально, не отписывается от неё подходящими случаю библейскими цитатами, а глубоко вникает в суть её вопросов, ощущает её острую потребность в наставнике. Свой ответ он строит по канонам церкви. Так, о ежедневных духовных делах он пишет следующее: «Молитвослова, как обязательного свода ежедневных религиозных повинностей, нам, как правило, более чем достаточно. Это необходимо, безусловно, как костыли необходимы человеку со слабыми ногами. Но если мы желаем предпринять дальний путь (=путь к Вечности), одних костылей так мало! ... да, мы не можем не ходить в церковь, не исповедоваться, хотя бы иногда, в своих грехах и ошибках, не молиться не можем, ... ибо, если мы попытаемся не делать этого даже так плохо и неумоно, как пока умеем – вот тогда мы реально начнём жить не во Христе, а точнее сказать – выйдем из сферы жизни в сумрак небытия» [Там же, 92]. Таким образом, уже с самого начала он очерчивает для Ани её духовные обязанности как верующей, то есть как человека, живущего во Христе. Он понимает, что ежедневная ритуальность, возвращение к одним и тем же словам и мыслям по нескольку раз в сутки, помогут ей сформировать определённый взгляд на мир, сообразный и с её внутренними потребностями, и с церковным канонам. Далее он пишет о собственном всем людям языческом мироощущении, «...которое всегда ограничивается творением, забывая Творца» [Там же, 93], и предостерегает её: «Мы должны, как это не неприятно для ветхой нашей натуры, учиться ограничивать океан наших чувств, эмоциональности (= душевности) нашей. Только тогда откроется доступ в нашу душу благодатной духовности» [Там же, 94]. Антоний от лица церкви говорит ей о нужном образе жизни, её целях.

В его письме чувствуются особенности речи церковнослужителя: слова из Священного писания (фарисейски, тварный мир, жизнь

во Христе, благодатная духовность, послушание, сумрак небытия), церковнославянские формы (ибо, лукаво, немощь). Можно предположить, что Антоний в этом письме является резонёром, высказывающим мысли автора о том, что действительно представляет из себя жизнь во Христе.

Особый интерес с точки зрения субъектной организации представляют собой главы «Бесконечный разговор» (1, 2 и 3). В них повествователя нет совсем. Перед нами живой, как будто бы на наших глазах разворачивающийся телефонный разговор, в нём есть только Аня и Антоний. В этих диалогах происходит сближение персонажей. Их реплики оформлены как поток сознания: нет ни знаков препинания (за редким исключением), ни заглавных букв, слова «цепляются» одно за другое, членить текст на предложения сложно: «мне не хочется оправдываться поверь в этом нет ничего о чём можно было бы жалеть или если хочешь в чём исповедоваться в мире всё вообще значительно шире чем нам хочется человек всё стремится огородить пространство и жить в этом огорожке а мир – не огород, мир – бесконечность но об этом не хочется знать потому что это тяжело это ответственность напряжение ума души знать и нести в себе что-то ещё что-то большее раздвигать границы» [Там же, 178]. Как видно из приведённого отрывка, знаками препинания выделены только концептуально важные для говорящего (здесь – отца Антония) паузы. Следует отметить, что если в письме к Ане он раскрывался как духовник, как опытный, всезнающий и спокойный наставник, то в разговорах по телефону он живой человек, у которого свои страхи, сомнения и слабости.

Разговор быстро и произвольно переходит от одного предмета к другому, речь героев разговорная, не отягощённая деловыми рамками.

Если в «Бесконечном разговоре (1)» авторского присутствия не было, и вся глава полностью состояла из диалога, то в «Бесконечном разговоре (2)» откровенный диалог с потоком сознания начинается после авторских слов, после обычного, с авторскими пояснениями и знаками, диалога героев. Здесь поток сознания выполняет следующую функцию: он начинается в тот момент, когда речь заходит о самом откровенном, глубоком, важном для обоих. После стройно организованных строчек он воспринимается как стреми-

тельное течение, читается быстро и сбивчиво, что усиливает впечатление предельной откровенности, правдивости, «выстраданности» сказанного. «нет нет Аня мне давно уже очень темно знаешь иногда я ощущаю дьявола, он от меня не отходит я знаю я должен быть рыцарем который всё время борется но иногда этот рыцарь изнемогает и опускает меч. Бывают моменты когда я чувствую что я без Бога Бог меня отпускает и тогда ко мне приходит кто-то другой ну ясно кто и он мне говорит теперь тебя ничто не защитит. Потом я знаю что это не так что Бог не выдаст свинья не съест но это потом. А тогда мне бывает очень страшно. И ужасно тяжело» [Там же, 241]. В этом отрывке Антоний открывает Ане свои самые тайные, личные переживания, чувствуется его смятение, душевное состояние нестабильное, волнуемое. Он сбивается, повторяется, но при этом говорит очень проникновенно, как будто бы он уже много раз об этом думал.

Иногда среди потока сознания проскальзывают конструктивно важные замечания повествователя: «вот говорят во время исповеди надо молиться устраняться от того что слышишь но совершенно устраниться не-воз-мож-но – он так и произнёс это слово по слога и вздохнул тяжело, точно вдруг страшно устав – я вот послужил несколько лет поисповедовал и вижу» [Там же, 240]. Слово «невозможно» подчёркнуто вдвойне – написанием и авторским комментарием, что указывает на его исключительную значимость. Это тот краеугольный камень церковной службы, о котором постоянно думает и с которым постоянно пытается бороться отец Антоний.

Важным в этих разговорах является то, что больше говорит Антоний, Аня отвечает ему лаконично, редкими репликами, а он изливает ей всю свою душу. Эти телефонные диалоги раскрывают его как человека, обнажают противоречивость, сложность его личности. И его объяснение в любви Ане также происходит по телефону, проскальзывает в потоке его сознания: «я вас обеих люблю в обе мне дороги понимаешь я тебя люблю анюшка» [Там же, 247].

Глава «Бесконечный разговор (3)» имеет подзаголовок: «Мы в партии». Герои уже предельно близки: «Она погружалась всё глубже, она была заражена, что-то отключилось в ней, что-то замерло, стихия этого бесконечного разговора, откровенного до бесстыдства, до душевных объятий и не всегда точных пьяных поце-

луев казалась родной. Ей было больно, страшно – и вкусно, и хорошо. Услышав “люблю”, она вдруг и вовсе перестала бояться, она шагнула навстречу. А он говорил и говорил – так, будто хотел выговорить всё, навсегда» [Там же, 248]. В этих авторских словах чувствуется оценка. И Аня (больно, страшно), и автор-повествователь (бесстыдство, объятия, сравнения с пьяными поцелуями), и сам отец Антоний (стремящийся рассказать всё-всё) ощущают неправильность происходящего.

Пути назад уже нет, Аня делает ещё один шаг навстречу и он теперь может поведать ей о своём внутреннем расколе, раздвоенности. «Ты забываешь, кто я. Не говорил, потому что не уверен, уверена ли во всём, что я говорю, Церковь ... Я ведь совершенно в другом положении, приходят люди, и так часто хочется ответить им по-человечески, или, как пишут отцы, по-человечеству, а я не могу. Не могу. ... Сам иногда не верю, не чувствую того, о чём говорю, но зато есть мнение Церкви, и не знаю, что полезнее, что вернее – благостная маска, которая отваливается на глазах у изумлённых слушателей, просто стыдно становится, Аня...» [Там же, 251]. Он озвучивает ей свои сокровенные мысли, они – то, о чём никогда не должен думать священник, в чём он никогда не должен сомневаться. «И эта раздвоенность иногда буквально разрывает. Всё время оговариваться, оглядываться, бояться не совпасть с мнением Церкви, но что такое мнение Церкви?» [Там же, 251] Вопрос он задаёт тоже недопустимый. Его вывод: «Глас Божий говорит одно, официальное церковное мнение – совершенно другое получается все мы в партии» [Там же, 252]. Антоний страдает от того, что его религия, при всей своей любви к человеку, не допускает личного начала, не признаёт индивидуальных трактовок и пониманий.

Наконец, ещё одной формой организации повествования, направленной на раскрытие главной героини, является её личный дневник. Он охватывает примерно полгода (15 февраля – 19 августа), состоит из небольших заметок. Записи в нём не ежедневные. Здесь ведущее сознание – Анино, и её слова и мысли диалогично перекликаются с другими героями. Дневник очень важен для понимания того, что происходит в душе героини. Казалось бы, какая бездна событий могла произойти с молодой девушкой за целых

полгода, однако все записи дневника (в котором, конечно, отмечено только самое ценное для неё – то, что нельзя забыть) тем или иным образом говорят о церкви и Антонии. Даже впечатления от своей мимолётной влюблённости она накрепко связывает с церковным миром.

Идея вести дневник связана с душевным подъёмом Ани. После письма Антония ушли её сомнения, жизнь во Христе открылась ей своей самой прекрасной стороной. «Внутри проклёвывалось что-то совершенно новое, чистое, неразумное. Она и сама не понимала что, но кажется, в ней просыпалась душа. И оказалась маленькой, оказалась дитёй. Легко радовалась и легко грустила, утирала слёзы от огорчения, улыбалась, когда всё было хорошо, всему удивлялась, доверчиво жалась к вчера ещё незнакомому ей бородавтому дяде. Аня глядела на эти перемены почти взглядом постороннего, это ведь не она была, себя-то она знала – она была намного сложнее, злей, осторожнее, а эта – дура душой. Дурочка такая, но иногда вдруг она умела заговорить с Богом с родственной почти простотой, как никогда не сумела бы сама Аня, и она смотрела, боясь шевельнуться, немея и глохня, на это чудо рождения, Господи Боже ты мой!» [Там же, 98]. Такие сильные внутренние перемены, открытие в себе себя, оказались неожиданными для героини. Однако она понимала, что такое состояние с ней не навсегда, поэтому решила, что «...надо было скорей писать, записывать всё, как родители записывают про своих новорожденных детей, про это быстро проходящее чудо» [Там же, с 99].

В дневнике отражена простота её мировосприятия, гармония души, которая как бы распространяется ею на окружающий мир. Она ощущает полноту бытия: «Шла домой пешком, смотрела, как летят мягкий, крупный снег, кусала душистую, такую вкусную просфору, потом шла прокладывать заметённую тропинку в парке. Всё время молилась и не знала, что мне ещё делать от этого бесконечного счастья» [Там же, 102].

Аня уверена, что каждый верующий человек испытывает то же, что и она, поэтому старается приобщить к этому миру свою подругу Олю, испытывающую трудности: «У неё несчастная любовь ... Утешала Ольку изо всех сил, чувствовала себя странно взрослой и уверенной. Слова звала в церковь» [Там же, 104]. Отец Антоний не

одобрил её поступка, в дневнике она полностью цитирует его возмущённую речь. Она хранит его слова, как заповеди, стараясь не проронить ни одного слова и закрепить их в своих записях. И это касается вообще всех его слов, обращённых непосредственно ей. Она оформляет их прямой речью.

Помимо церковных служб и духовных исканий, в дневнике героиня описывает одно важное событие её жизни: влюблённость. Один молодой человек из университета, Алёша, стал за ней ухаживать. С ним у неё был первый поцелуй, и чувство влюблённости оказалось очень сильным и захватывающим: «Целовались с Алёшей. Много странной силы. Кажется, я уже люблю его ... И мы стояли долго-долго, иногда я открывала глаза, смотрела сквозь пыльное стекло подъезда, а там – спутанные ветки, сиреневое небо, с крыши течёт вода. Ужасно ново и полно» [Там же, 107]. Эти чувства совсем иные, чем всё, что произошло с ней до этого: если о переживаниях, связанных с церковью ей хотелось делиться со всем миром в целом и отцом Антонием в частности, то тут нет. «Жаль только, что придётся всё-таки рассказать об этом на исповеди. Даже если это не грех» [Там же, 107]. Возможно, что это слишком интимно для неё, или Аня боится того, что скажет по этому поводу отец Антоний. Скорее всего, она уже осознаёт недозволенность церковью таких отношений (или сложность своего чувства к духовнику): «Может, и правда выйду за него (за Алёшу) замуж. Но как представлю себе отца Антония, дрожу. Наверное, всё-таки это грех» [Там же, 109].

Она не вышла за него замуж и прекратила все отношения из-за реакции своего духовника: «Батюшка наложил на меня е-пи-ти-мью. Первый раз в жизни. И первый раз был со мной очень жёстким. Он сказал мне, что это – блуд. ... Весь прям дышал строгостью, и, по-моему, даже неприязнью ... Но почему-то сквозь печаль прорывается и радость, что отец Антоний так заботится обо мне» [Там же, 113]. И по его же напутствию не поехала в поход с ребятами-физиками. Аня доверяет ему безоглядно, дневник заканчивает так: «Как будто знал что-то, чего не знала я. Различал ту невидимую цель, к которой ведёт меня. После этих слов, вдруг точно убрали ладонь с глаз, свет хлынул потоком, я замерла» [Там же, 118].

В главе «Старец святой» приведены другие записи из дневника героини. В них описан эпизод, который, как думала Аня потом, положил начало их «неканоническим» отношениям с духовным отцом: «Лишь один эпизод, возможно, таил разгадку – и в поздних поисках истока, бесчисленных попытках нащупать зерна всего произошедшего после Аня останавливалась на нём чаще всего, перечитывая и перечитывая его в своей тетрадке – эта история выглядела среди других записей исключением, хотя и она прямо была связана с отцом Антонием; но тут хотя бы зазвучали голоса чужие, в неё приняли участие другие действующие лица» [Там же, 157]. Эти другие лица – Петра и её муж Костя. Оба были Ане к тому моменту знакомы, с Петрой, очень верующей женщиной, Аня дружила.

Костя привносит в Анино несколько идеализированное восприятие Антония взгляд со стороны, не очень правдивый и даже, можно сказать, порочащий. Костя рассказывал о его прошлом, анализировал: «...сказал, что чувствует в отце Антонии внутренний надлом, что на глубинном уровне это человек именно “сломленный”» [Там же, 161]. Аня с его слов узнаёт прошлое своего духовного отца, как далёкое (работа в театре), так и относительно близкое (объяснение в любви к Петре). Костины откровения загоняют её в тупик, и в поисках решения она впервые звонит своему отцу, формально прикрываясь другим поводом. Впоследствии этот разговор и будет восприниматься ею как роковой, положивший начало множеству бесконечных откровенных разговоров. Петра рассказывает Ане, как всё в самом деле было, и у той словно падает камень с души: «Ужасная это всё гадость. Мне противно и стыдно за себя. Кому поверила! А батюшке собственному не поверила!» [Там же, 166]

Приведённая часть дневника особенно важна в понимании отношений Ани и Антония. Она является как бы завязкой их близости. После ситуации с Костей Аня разглядела в своём наставнике человека: «После Костиных откровений она наконец очнулась и как-то окончательно разглядела – и смиряется, и смиряет, но иногда и в самом деле не знает, не видит не понимает, часто действительно не имеет ни малейшего представления! Потому что не старец, потому что никакой большой буквы, просто священник, очень

умный, очень добрый, чуткий, Божий, но не святой – че-ло-век» [Там же, 169]. Этого земного человека она и полюбит потом всей душой. Разрушение образа святого подчёркивают и названия глав: «Старец святой» (её изначальный взгляд) и «Не старец святой».

Субъектная организация работает на раскрытие внутреннего мира двух главных героев: Ани и Антония, она также помогает читателю понять такого сложного персонажа, как Петра. Слова автора-повествователя в некоторых местах текста полемизируют, а в других – соглашаются с Аниными мыслями и действиями, что позволяет выявить авторскую точку зрения. В «Бесконечных разговорах» взаимодействуют два максимально открытых сознания. В дневниках героини звучит много голосов, их Аня дословно цитирует, кому-то она отвечает, с кем-то на этих страницах полемизирует. Таким образом, перед читателем открывается сложный, диалогичный мир романного слова.

Литература

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., «Художественная литература», 1975. 809 с..

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979.

Корман Б.О. Изучение текста литературного произведения. – М., 1971.

Кучерская М. Бог дождя. – М., Время. 2008.

© Ермичева Е.А., 2017

Кадушина О. И. (Екатеринбург, УрГПУ)

***Пространственно-временная организация как уровень жанровой структуры в теоретической модели жанра
Н. Л. Лейдермана***

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению пространственно-временной организации художественного произведения (хронотоп) как уровня жанровой структуры, её взаимосвязи с другими «носителями жанра» согласно основным положениям теории жанра Н. Л. Лейдермана. Понимание хронотопа исследователем соотносится со взглядом на данную категорию М. М. Бахтина, на труды которого опирается Н. Л. Лейдерман при создании собственной жанровой